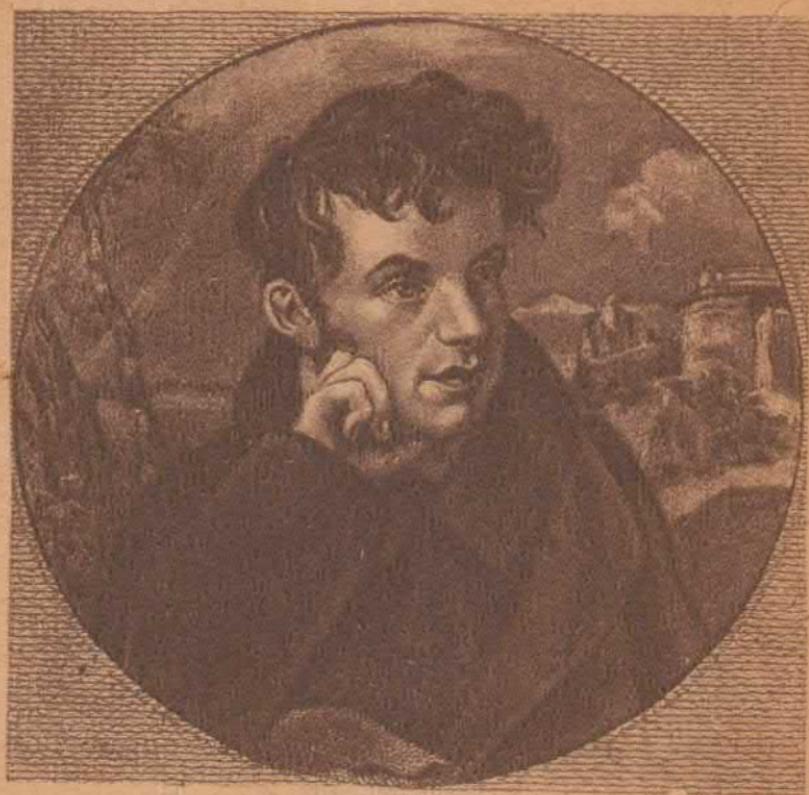

В. А. Жуковский

Баллады

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИКП РСФСР
Москва 1948 Ленинград

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852).

С портрета художника Кипренского.

СВЕТЛНА

А. А. Вавиловой

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблодны.

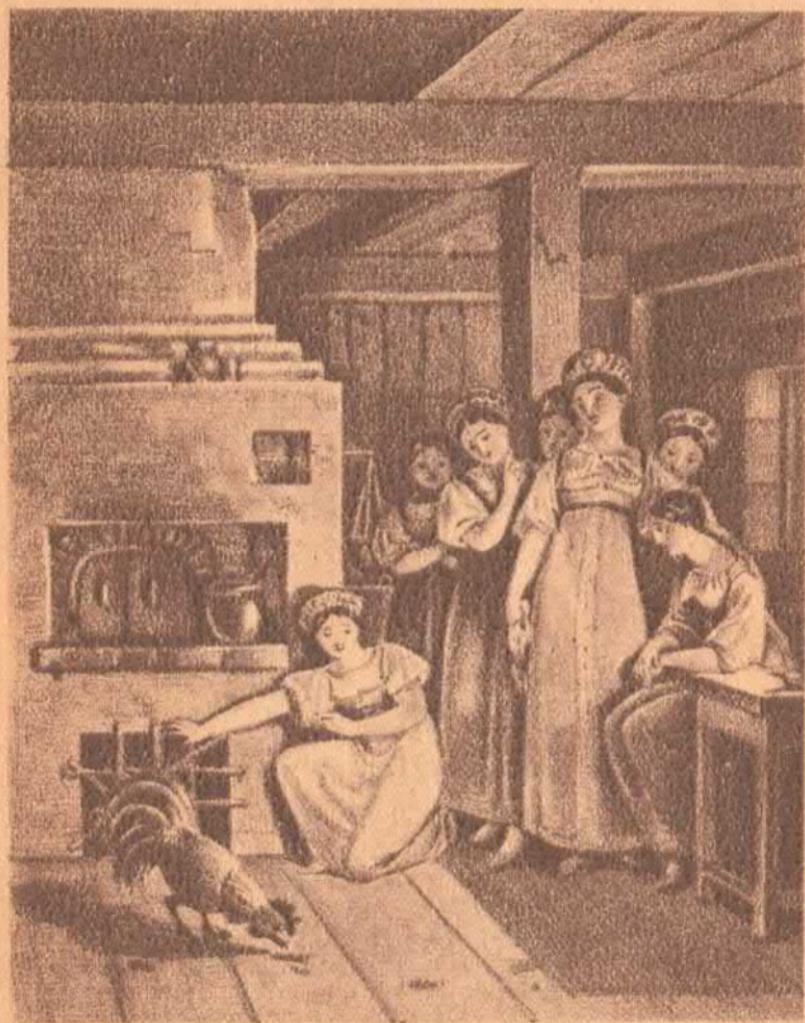
Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;

Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

— Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель. —

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за твой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть линет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...

С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шопот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышен ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальную песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Поводашелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Выюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце веющее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»

Ни пол слова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На средине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылой.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчалися... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених,
Будто не бывали.
Одиночная, впотьмах,
Брошена от друга
В страшных девица местах;
Вокруг метель и выюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет;
Вот перекрестилась;

В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилася.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах, Свётлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилася;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилася.

Все утихло... выюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...

Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крилы;
К мертвцу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами,
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину.
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;

Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад,
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа, как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,

Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

1808—1812 гг.

«Светлана» — вольный пересказ баллады немецкого поэта Готфрида-Августа Бюргера (1747—1794) «Lenore» («Ленора»).
Запона — покров, полотнище.

БАЛЛАДА,

*в которой описывается, как одна старушка вхала на черном коне
вдвоем и что сидел спереди*

На кровле вран печально прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Ужасну весть ей черный вран сказал;
Над ней час смерти тяготеет.

И всплел скорбно: «где мой сын чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;
И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.

Но лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завыла;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила: —

Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»
Был страшен вид ее седых волос
И страшно груди колыханье.

Дары святые сын отнес назад
И к страждущей приходит снова;
Кругом бродил ее потухший взгляд,
Язык искал, немея, слова.

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель:
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев похищала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых отрывала.

И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.

Ах! не забудь моих последних слов:
Мой трул, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, у алтаря прибит
К помосту крепкими цепями.

И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной
И пели панихиду хором;

Чтоб пятьдесят на крылосях дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску ярого горели;

Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;

Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был снят
До солнечного восхожденья.

С обрядом тем молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною;
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею».

И глас ее быть слышен перестал,
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал,
Уста, охолодев, раскрылись.

И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспрыснуты они святой водой;
И все священники в собранье:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминанье.

Поют дьячки все в черных стижах
Медлительными голосами;
Горят свечи надгробны в их руках,
Горят свечи пред образами.

Протяжный глас и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,

И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,
И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...

Ужасный вид! колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
По совершении моленья.

И в первую ночь от свеч веселый блеск.

И вдруг... к полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный гром и треск;
И слышится: гремят цепями;

Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих громче.

Гудят колокола, дьячки поют,
Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.

Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосях поют;
Смелей попы творят молитвы.

В другую ночь от свеч темнее свет;
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет:
Как будто встали из могилы.

И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся:
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.

Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.

Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос;
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.

Петух запел... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
И стихло всё! дьячки смелей поют,
Попы смелей творят молитвы.

На третью ночь свечи едва горят;
И дым густой и запах серный;
Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.

И стук у врат: как будто океан
Под бурею ревет и воет,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.

И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее гром у врат,
И звон слабее колокольный.

Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле приникнувши лицом;
Главу поднять не смеет в страхе!

И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья:
Им чудилось, что церковь зашатал
Как бы удар землетрясенья.

Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.

И раздалось... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;
И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.

И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренной;
И вокруг него огромный божий храм
Казался пещью раскаленной!

Едва сказал: исчезните! целям,
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся к обручам,
Они истлели под рукою.

И вскрылся гроб. Он к телу вопиет:
Восстань, иди в след владыке!
И прступил от слов тех хладный пот
На мертвом, неподвижном лице.

И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призванью;
И никогда здесь смертный не слыхал
Подобного тому стечанью.

И ко вратам пошла она с врагом!
Там зрелся конь чернее ночи!
Храпит и ржет, и пыщет он огнем,
И как пожар пылали очи.

И на коня добычу взбросил враг
И сел вперед! и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и праж;
И слух о ней пропал навечно.

Никто не зрел, как с нею мчался он...
Лишь страшный след нашли на праже;
Лишь, внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий со
Младенцы вздрагивали в страхе.

1814 г.

«Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на
черном коне вдвоем и кто сидел впереди» — перевод баллады
английского поэта Роберта Саути (1774—1843) «A Ballad shewing
how an old woman rode double and who rode before she».

Чернец — монах.

Ловитва — лов (от глагола «ловить»).

ВАРВИК

Никто не зрел, как ночью бросил в волны
Эдвина злой Варвик;
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкий крик.

От подданных погибшего губитель
Владыкой признан был —
в Ирлингфор уже, как повелитель,
Торжественно вступил.

Стоял среди цветущая равнины
Старинный Ирлингфор,
И пышные с высот его картины
Повсюду видел взор.

Авон, шумя под древними стенами,
Их пеной орошал,
И низкий брег с лесистыми холмами
В струях его дрожал.

Там пламенел брегов на тихом склоне
Закат сквозь редкий лес;
И трепетал во дремлющем Авоне
С звездами свод небес.

Вдали, вблизи рассыпанные села
Дымились по утрам;
От резвых стад равнина вся шумела,
И вторил лес рогам.

Спешил, с пути прохожий совратяся,
На Ирлингфор взглянуть,
И, красотой картин его пленяся,
Он забывал свой путь.

Один Варвик был чужд красам природы:
Вотще в его глазах
Цветут леса, вияся блещут воды
И радость на лугах.

И устремить, трепещущий, не смеет
Он взора на Авон:
Оттоль зефир во слух убийцы веет
Эдвинов жалкий стон.

И в тишине безмолвной полуночи
Все тот же слышен крик,
И чудятся блистающие очи,
И бледный, страшный лик.

Вотще Варвик с родных брегов уходит —
Приюта в мире нет:
Страшилищем ужасным совесть бродит
Везде за ним волслед.

И он пришел опять в свою обитель:
А сладостный покой,
И бедности веселый посетитель,
В дому его чужой.

Часы стоят, окованы тоскою;
А месяцы бегут...
Бегут — и день убийства за собою
Невидимо несут.

Он наступил; со страхом провожает
Варвик ночную тень:
Дрожи! — (ему глас совести вещает) —
Эдвинов смертный день!

Ужасный день: от молний небо блещет;
Отсюду вихрь стон;
Дождь ливня льет; волнами с воем плещет
Разлившийся Авен.

Вотще Варвик, среди веселий шума,
Цедит в бокал вино:
С ним за столом садится рядом Дума:
Питье отравлено.

Тоскующий и грозный призрак бродит
В толпе его гостей;
Везде пред ним: с лица его не сводит
Пронзительных очей.

И день угас... Варвик спешит на ложе...
Но и в тиши ночной,
И на одре уединенном то же;
Там сон, а не покой.

И мнит он зреть пришельца из могилы,
Тень брата пред собой!
В чертах болезнь, лик бледный, взор унылый,
И голос гробовой.

Таков он был, когда встречал кончину;
И тот же слышен глас,
Каким молил он быть отцом Эдвину
Варвика в смертный час:

«Варвик, Варвик! Свершил ли данно слово?
Исполнен ли обет?
Варвик, Варвик, возмездие готово;
Готов ли твой ответ?»

Воспрянул он — глас смолкнул — разъяренно
Один во мгле ночной
Ревел Авон — но для души смятенной
Был сладок буривой.

Но вдруг — и въявь средь шума и волненья
Раздался смутный крик:
«Спеши, Варвик, спастись от потопленья;
Беги, беги, Варвик!»

И к берегу он мчится — под стеною
Уже Авон кипит;
Глухая ночь; одето небо мглою,
И месяц в тучах скрыт.

И молит он с подъятыми руками:
«Спаси, спаси, творец!»
И вдруг — мелькнул челнок между волнами;
И в челноке пловец.

Варвик зовет, Варвик манит рукою, —
Не внемля шума волн,
Пловец сидит спокойно над кормою
И правит к берегу челн.

И с трепетом Варвик в челнок садится —
Стрелой помчался он...
Молчит пловец... молчит Варвик... вот, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

На спутника уставил кормщик очи:
«Не слышался ли крик?»
— Нет; просвистал в твой парус ветер ночи, —
Смутаясь, сказал Варвик. —

Правь, кормщик, правь, не скоро челн домчится;
Гроза со всех сторон. —
Умолкнули... плывут... вот снова, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

«Младенца крик! он борется с волною;

На помощь он зовет!»

— Правь, кормщик, правь, река покрыта мглою;
Кто там его найдет? —

«Варвик, Варвик, час смертный зреТЬ ужасно;

Ужасно умирать;

Варвик, Варвик, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?

Во мгле ночной он бьется меж водами;

Облит он хладом волн;

Еще его не видим мы очами;

Но он... наш видит член!»

И снова крик слабеющий, дрожащий,

И близко членока...

Вдруг в высоте рог месяца блестящий

Прорезал облака;

И с яркими слиялся лучами,

Как дым прозрачный, мгла,

Зрят на скале дитя между волнами,

И тонет уж скала.

Пловец гребет; членок летит стрелою;

В смятении Варвик;

И озарен младенца лик луною;

И страшно бледен лик.

Варвик дрожит — и руку, страха полный,

К младенцу протянул —

И, со скалы спрыгнув младенец в волны,

К его руке прильнул.

И вмиг... дитя, членок, пловец незримы;

В руках его мертвец:

Эдвинов труп, холодный, недвижимый,

Тяжелый, как свинец.

Утихло все — и небеса и волны:

Исчез в водах Варвик;

Лишь слышали одни берега безмолвны

Убийцы страшный крик.

1814 г.

«Варвик» — перевод баллады Саути «Lord William» («Лорд Вильям»).

МШЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночною порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел,
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и хранил.

Он шпоры вонзает в крутые бока,
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцырь тяжелый его утопил.

1816 г.

«Мщение» — перевод баллады немецкого поэта Иоганна-Людвиг Уланда (1787—1862) «Die Rache» («Месть»).

ТРИ ПЕСНИ

— Споет ли мне песню веселую скальд? —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Подмышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил,
Та песня: отца моего ты убил.

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: бейся, убийца, со мной!»

Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам —
И рухнул Освальд — голова лополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греметь не устану пред девой любви;
Та песня: убийца повержен в кровь».

1816 г.

«Три песни» — перевод баллады Уланда «Die drei Lieder»
Скальд — поэт, певец.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скакет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв его, держит и греет старик.

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул? —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой».
— О нет, то белеет туман над водой. —

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне;
Цветы бирюзовые, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
— О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы. —

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать.
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».

— О нет, все спокойно в ночной глубине;
То ветлы седые стоят в стороне. —

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжко дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

1818 г.

«Лесной царь» — перевод баллады великого немецкого поэта Иоганна-Вольфганга Гёте (1749—1832) «Erlkönig», которая является пересказом датской народной баллады «Erlkönig» («Король эльфов»).

ИВАНОВ ВЕЧЕР

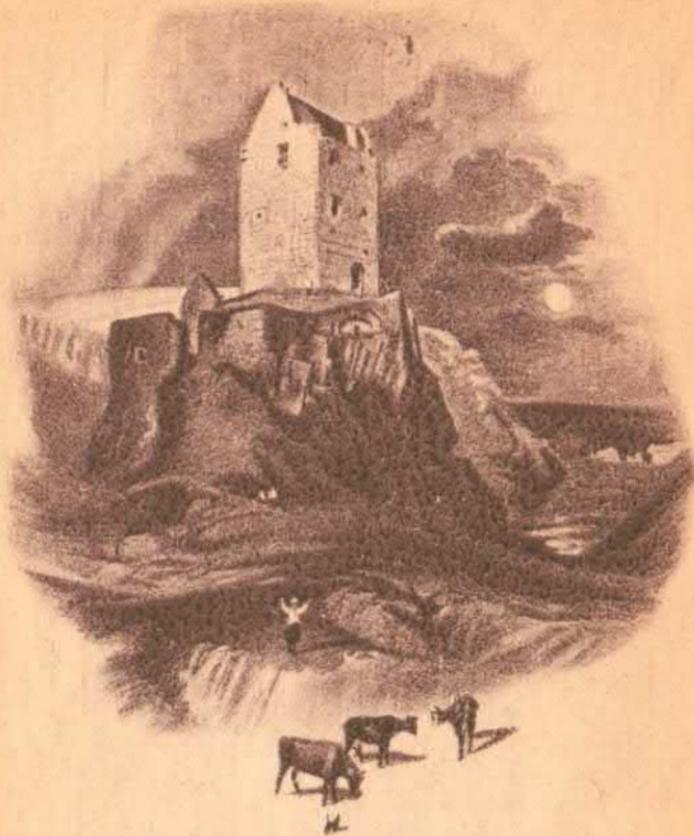
До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон,
И без отдыха гнал меж утесов и скал
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморская битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,

Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

— Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова неприворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи? —

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И безумолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовей на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал —
О творец! у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершия мечом, он стоял пред огнем
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «в полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином.

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженьи забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

— Я не властен притти, я не должен притти,
Я не смею притти (был ответ):
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет. —

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха, и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльца пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

— Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой:
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной. —

«Он уйдет к той поре: в монастыре на горе
Панихида он позван служить;
Кто-то был умерщвлён; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он, нахмурясь, глядел, он, как мертвый, бледнел,
Он ужасен стоял при огне.

— Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы. —
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
— Но скажи, наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал! —

«Показалось мне, при блестящем огне:
Был щелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

— Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен притти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвей. —

«Нет! не чудилось мне! я стоял при огне,
И увидел, услыхал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
— Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подъемлется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой. —

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку — и видит: с печалью в лице
Одипоко-унылая там

Молодая жена — и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мertonски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

— Я с тобою опять, молодая жена. —
«В добрый час, благородный барон,
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю, иль сражен?»

— Англичанин разбит, англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей. —

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной головой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он, не подымется он:
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась: был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

— Воротись, удалися, — она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит:
Не страхись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

• Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден.

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом:
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли, иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь:
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе возжжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

1822 г.

«Иванов вечер» — перевод баллады английского писателя Вальтера Скотта (1771—1831) «The eve of St. John» («Канун св. Джона»). Переведена Жуковским в 1822 году.

КУБОК

«Кто, рыцарь ли знатный, иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто същет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасной?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу, снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?

И он подступает к наклону скалы
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали волны,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались, и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волненье легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призвал,

И прогнули зрители, все возопив —
Уж юноша в бездну пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло..., в ней глухо шумит,
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Всё тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной!
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Не мало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина;
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье трозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжко дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем «он жив!» повторял:
«Чудеснее подвига нет!»

Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважной».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал:
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

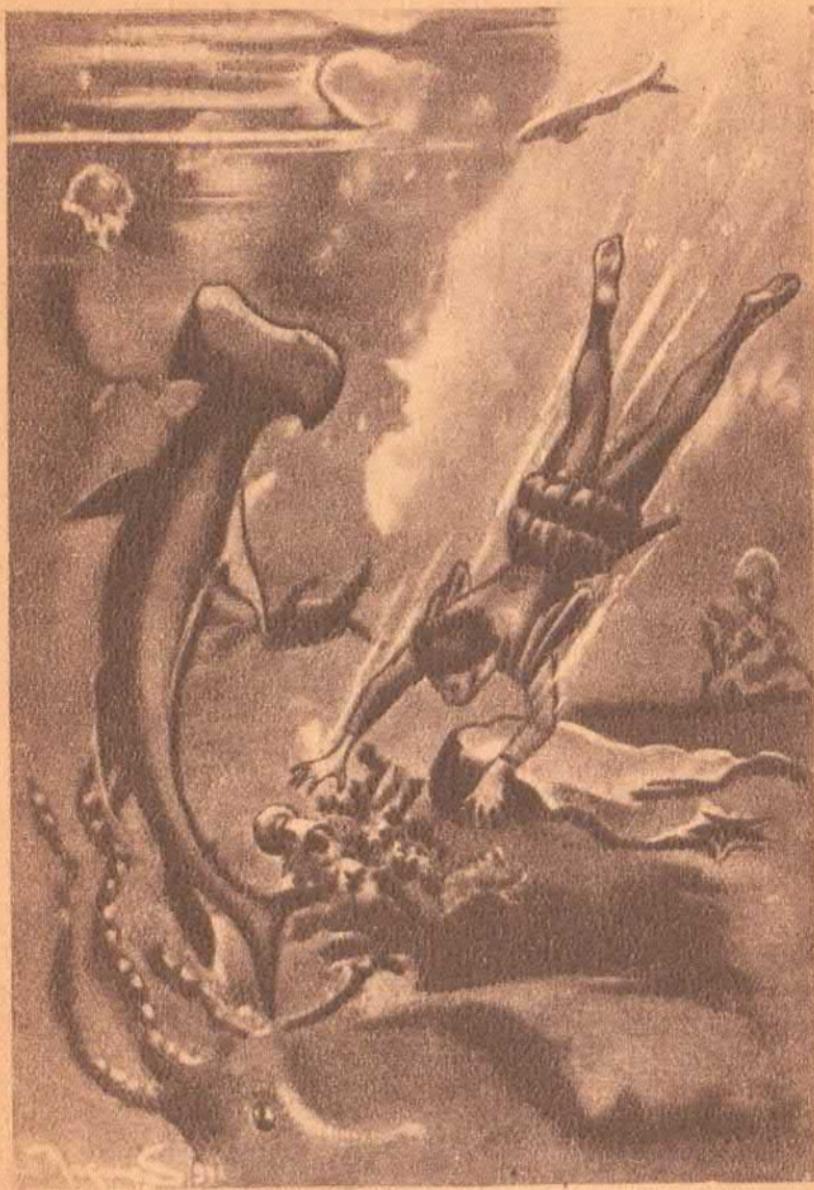
«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилась вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был;
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб:
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокрой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человечьего слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоновое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царевна с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
— Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершил?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова. —

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твою женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...»

И с трепетом в бездну царевна глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно...
А юноши нет и не будет уж вечно.

1831 г.

«Кубок» — перевод баллады знаменитого немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759—1805) «Der Taucher» («Водолаз»).
Латник — солдат, одетый в латы.
Еланча — широкий длинный плащ.
Млат водяной, скат, мокой — рыбы из семейства акул.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Был и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон;
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из близких и дальних сторон,
Слышино, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет»,
Так говорил изумленный народ.

К сроку собрались званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарай
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей.

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша окру́га мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземной;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
В реинской башне спасусь (говорит).

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится.
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным, крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забыты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертыи вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка, невесело ей:
Чует она приближение мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли, ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и лиском;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они навострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

1831 г.

«Суд божий над епископом» — перевод баллады Саути «God's Judgment on a Bishop». В основу баллады положена средневековая легенда об архиепископе Гаттоне. В 914 году был страшный голод. Гаттон созвал к себе всех голодных и сжег их в амбаре. «Этот бедный народ, — сказал он, — совершенно как мыши». Согласно легенде, в наказание Гаттон был съеден мышами в собственном замке, стоявшем на острове посреди Рейна.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

Раз Карл Великий пировал;
Чертог богато был украшен;
Кругом ходил златой бокал;
Огромный стол трещал от брашен;
Гремел певцов избранный хор;
Шумел веселый разговор;
И гости вдоволь пили, ели;
И лица их от вин горели.

Великий Карл сказал гостям:
«Свершить нам должно подвиг трудный.
Прилично ль веселиться нам,
Когда еще Артусов чудный
Не завоеван талисман?
Его укравший великан
Живет в Арденском лесе темном;
Он на щите его огромном».

Отважный Оливье, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Агландский граф Милон, Мерлин,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжелые берут;
Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой,
Роланд, сказал: «возьми, родитель,
Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.
Ваш подвиг не по лётам мне;
Но ты позовь, чтоб на коне
Я вез, простым твоим слугою,
Копье и щит твой за тобою».

В Арденский лес одним путем
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с копьем, щитом
Смиленно едет за отцом;

Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржет и пышет.

И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи;
А великана всё им нет.
Вот на четвертый день, в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.

Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак сеней,
Блеснуло; и со всех сторон
Вскочило множество оленей,
Живым испуганных лучом;
И там, как туча, со щитом,
Блистающим от талисмана,
Валит громада великана.

Роланд глядит на пришлеца
И мыслит: что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копье и добрый щит,
И острый меч и конь задорный,
И сын Роланд, слуга проворный.

И вот он на бедро свое
Повесил меч отцов тяжелый;
Взял длинное его копье
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.

Его увидя, сморщил нос
С презреньем великан спесивый.
«Откуда ты, молокосос?
Не по тебе твой конь ретивый;

Смотри, тебя длинней твой меч;
Твой щит с твоих ребячих плеч,
Тебя переломив, свалится;
Твое копье лишь мне годится».

— Дерзка твоя, как слышу, речь;
Посмотрим, таково ли дело?
Тяжел мой щит для детских плеч —
Зато за ним стою я смело;
Пусть неуч я — мой конь учен;
Пускай я слаб — мой меч силён;
Отведай нас; уж мы друг другу
Окажем в честь тебе услугу. —

Дубину великан взмахнул,
Чтоб вдребезги разбить нахала;
Но конь Роландов отпрыгнул,
Дубина мимо просвистала.
Роланд пустил в него копьем;
Оно осталось с острием,
Погнутым силой талисмана,
В щите проинзенном великаны.

Роланд отцовский меч большой
Схватил обеими руками;
Спешит схватить противник свой;
Но крепко стиснут он ножнами;
Еще меча он не извлек,
Как руку левую отсек
Ему наш витязь: кровь струею;
Прочь отлетел и щит с рукою.

Завыл от боли великан,
Кипучей кровию облитый:
Утратив чудный талисман,
Он вдруг остался без защиты;
Вслед за щитом он побежал;
Но по ногам вдогонку дал
Ему Роланд удар проворной:
Он покатился глыбой черной.

Роланд, подняв отцовский меч,
Одним ударом исполину
Отрушил голову от плеч.
Свистя, кровь хлынула в долину.

Щит великанов взял потом,
Он талисман, блиставший в нем
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.

И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струей ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах и, севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путем
В то место, где отец остался;
Отец еще не просыпался.

С ним рядом леж Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился,
И спал, покуда сам Милон
Под сумерки не пробудился.
«Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Подай мой шлем, мой меч подай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана».

Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;
Роланд за ним с копьем, щитом —
Но о случившемся ни слова.
И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;
Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.

Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцирь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвца нагого;
Следов не видно остального.

Труп осмотрев, Милон сказал:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видал
На свете я такого чуда;

Чей это труп?.. Вопрос смешной!
Да это великан; другой
Успел дать хищнику управу;
Я проспал честь мою и славу».

Великий Карл глядел в окно
И думал: страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?.. Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Свое копье перед собою
С отрубленною головою.

Гемон, с нахмуренным лицом
Приближалась, голову немую
Стряхнул с копья перед крыльцом
И Карлу так сказал: «плохую
Добычу я завоевал;
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался».

Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин, усталый, бледный, тощий,
«Со мною талисмана нет:
Но вот вам дорогие моши».
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
С его огромной рукавицей.

Сердит и сумрачен, Наим
Приехал по следам Тюрпина,
И великанова за ним
Висела на седле дубина.
«Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины».

Шел рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомленный:
Конь, великановым мечом
И панцырем обремененный,

Едва копыта подымал.
«Все это с мертвца я снял;
Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести».

Вдали является Гварин
С щитом огромным великана,
И все кричат: «вот паладин,
Завоеватель талисмана!»
Гварин, подъехав, говорит:
«В лесу нашел я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде».

Вот наконец и граф Милон.
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Роланд смиренно за отцом
С его копьем, с его щитом,
И светятся, как звезды ночи,
Под шлемом удалье очи.

И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его средины
Златую бляху, утвердил
Свой талисман и щит открыл...
И луч блеснул с него чудесный,
Как с черной тучи день небесный.

И грянуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: «ты, граф Милон,
Исполнил наше улованье:
Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За славный подвиг в награжденье
Прими от нас благоволенье».

Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,

Как солнце, талисман сияет.
«Где это взял ты, молодец?»
Роланд в ответ: «прости, отец;
Тебя будить я побоялся
И с великаном сам подрался».

1832 г.

«Роланд оруженосец»—перевод баллады Уланда «Roland trāger». Сюжет баллады Уланд заимствовал из староских сказаний о Роланде, герое средневекового эпоса Роланде».

Брашно—яство, кушанье.

$$x + \frac{15}{2} = \frac{30}{60}x \quad \text{или} \quad \frac{15}{2} = \frac{15}{60}x \quad \text{или} \quad x = 15$$

$$x - \frac{15}{2} = \frac{15}{60}x \quad \text{или} \quad \frac{15}{2} = \frac{15}{60}x \quad \text{или} \quad x = 15$$

СОДЕРЖАНИЕ

на	5
в которой описывается, как одна старушка на черном коне вдвоем и кто сидел	
25	13
25	18
25	23
25	—
25	24
25	25
25	31
25	37
25	40
25	45